УДК 316.347

Барбашин Максим Юрьевич

**кандидат социологических наук,
заведующий сектором этносоциологии
Южнороссийского филиала
Института социологии РАН (ЮРФИС РАН)
dom-hors@mail.ru**

СОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация:
В статье анализируется влияние идеологии формирования «советского человека» на происходящие в Советском Союзе этносоциальные процессы. Автор подчеркивает важность советскости как институционального фона, в котором формировались этнические идентичности как титульных, так и нетитульных этносов. По мнению автора, советская идентификация использовалась индивидами с маргинальным этническим статусом, что замедляло этногенезисные процессы. Тесная институциональная связь советскости с русским языком и идентичностью стала одной из причин того, что в транзитивный период десоветизация привела к частичной дерусификации постсоветского этносоциального пространства.

Ключевые слова:
этногенез, советский человек, этничность, идеология, титульный этнос.

Barbashin Maksim Yuryevich

**PhD in Social Science,
Head of the Ethnic Sociology Sector,
South Russian Department, Institute of Sociology,
Russian Academy of Science
dom-hors@mail.ru**

SOVIET IDENTITY IN ETHNO-SOCIAL SPACE: INSTITUTIONAL FEATURES

Summary:
The article carries out a research of the "Soviet person" ideology forming impact on ethno-social processes in the Soviet Union. The author emphasizes the significance of the Soviet identity as an institutional background in which ethnic identities of both titular and non-titular ethnic groups were forming. In author's opinion, the Soviet identity was used by people with marginal ethnic status which slackened ethno-genesis processes. Close institutional connection between the Soviet person features and Russian language and identity became one of the reasons that in the transitive period de-sovietization has led to partial de-Russianization of the Post-Soviet ethno-social space.

Keywords:
ethno-genesis, Soviet person, ethnicity, ideology, titular ethnic group.

Советская идентичность обладала институциональными особенностями гражданской идентичности, так как формально не подразумевала привязку к этногруппе. В то же время советская идентичность частично наслаивалась на этнопринадлежность, а частично заменяла ее, обладая некоторыми этнохарактеристиками.

Как предполагалось в общественном дискурсе [1], советский человек должен свободно владеть русским языком и быть приобщенным к советской и русской культуре, которые выполняли коммуникативные функции, укрепляющие власть. Обучение в вузах осуществлялось в основном на русском языке, поэтому выпускники школ с национальным уклоном, которые не имели удовлетворительной подготовки по русскому языку и литературе, обладали меньшей конкурентоспособностью по сравнению с абитуриентами, закончившими русские школы.

Повышение по сравнению с российской империей степени «русскости» жителей с другими этноидентификациями делало их уязвимыми к этноассимиляции. И, наоборот, дерусификация этносоциума, высокая степень непринятия индивидов из смешанных семей и/или тех, кто утратил этнокультурные корни и не владеет родным языком, фактически страховала его от потенциального этнопоглощения.

Этногенез выстраивался в соответствии с согласием или несогласием как титульных, так и нетитульных этноэлит и интеллигенций на дискурсное влияние русского языка, поскольку в общественном сознании незнание или недостаточно свободное владение русским языком достаточно, чтобы не считаться русским.

В отличие от законодательного статуса коренных малочисленных народов [2], титульность предполагала институциональные критерии вертикальной взаимозависимости этносов. Титульность стала советской системой структурированного социально-группового неравенства, связанного с наличием или отсутствием определенной этничности.

Титульность проявлялась в том, что из нескольких этногрупп произвольно (иногда влияние оказывала этнопринадлежность того или иного руководящего чиновника) выбирались

одна или две, в соответствии с названиями («титулами») которых формировались соответствующие республики.

Титульным этногруппам передавались административные привилегии как «смотрящим» за порядком. В двухсоставных республиках (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушская Республика) выделялись титульные группы первого (кабардинцы и карачаевцы) и второго порядков (балкарцы и черкесы) [3, с. 328−331]. У первых было больше административных возможностей, чем у вторых, но положение и тех, и других было лучше, чем нетитульных этносов. Суммарные возможности у титульных этносов превышали подобные блага у этнических аутсайдеров.

Важным неформальным институтом было представление, что в республиках первый секретарь должен быть титульной национальности. Этому правилу следовали вплоть до 1986 г., когда регионального лидера в Казахстане поменяли на русского функционера, и этнополитическая ситуация на окраинах Союза ухудшилась [4].

Титульная иерархизация этносов послужила основой формирования структурного конфликта между титульными и нетитульными этносами. Советским гражданам было сложно объяснить, почему, например, кабардинцы и балкарцы получили политико-юридический статус титульности, а ногайцы или абазины были лишены такой возможности. Принятые органами власти решения было невозможно подвергнуть судебному пересмотру или внесудебному арбитражу. Даже обсуждение неравноправия этносов, не говоря уже о проявлении недовольства территориальным устройством, мог привести к репрессиям. Котел этнопроблем был запечатан институтами власти, а одной из институциональных проблем национальной политики была недоговоренность, недосказанность и расплывчатые формулировки советских вождей.

Титульность не менялась вне зависимости от демографических, культурных и социальных процессов. Единственным исключением стали депортации, включающие в себя как детитулизацию, так и поглощение территорий подозреваемых в нелояльности этносов соседними регионами.

Юридически статус титульности не был определенным. Хотя подразумевалось, что титульность отражает вклад этногруппы в социалистическое строительство, транспарентной и честной конкуренции не было. Как этносам, ставшим титульными, так и нетитульным этногруппам было непонятно, на каких исторических, территориальных, правовых или демографических основаниях одна этногруппа получила преимущества по отношению к остальным. Вне зависимости от коллективных усилий и/или индивидуальных успехов представителей нетитульных этносов получить титульность они не могли. Этноменьшинства, которые фактически не дотягивали до титульного статуса (например, адыгейцы в Адыгейской автономии), самоутверждались в политической и языковой сферах региона так, как если бы они этим статусом обладали.

Этнопретензии обладают «эффектом домино» − повышение статуса одного субъекта провоцирует стремление остальных также повысить статус. «Естественно, обоюдное стремление каждого этноса к повышению своего политического статуса в рамках одного административного образования могло реализоваться лишь за счет других или не могло вообще. Доминирование одного народа неизбежно влечет за собой чувство ущемленности у других» [5, ч. 2, с. 207].

В условиях доминирования советской идеологии политика титульного этноса по отношению к советским правилам межэтнического общежития была конформистской. Дерусификация могла быть только осознанным и маргинальным выбором на индивидуальном, но не на групповом уровне. Сознательный отказ от изучения русского языка и/или ограничение его использования для межэтнических контактов стали маркерами «этнической антисоветскости» в Прибалтике и на Западной Украине.

Как частично деэтнизированная идентичность советскость латентизировала этногенезисные процессы. Она канализировала недовольство этноаутсайдеров и нетитульных этногрупп в нейтральные идентификационные предпочтения. Она привлекала не только партийных карьеристов, но и граждан, не определившихся с этноидентичностью и/или не уверенных в идентификационном выборе. Этномаргиналы, которые могли бы сформировать этносубгруппы, выбирали советскость, поскольку она не была подвержена административным санкциям. Советскость была некоторой степенью защиты от этнодискриминации на бытовом уровне.

Даже у выбирающих советскую идентичность в фоновом режиме существовала этничность. Индивид отказывался от нее при заполнении документов. Советскость была «идентификационным щитом», за которым скрывались все, кто не хотел и/или не был готов рисковать благополучием ради четкой этноидентификации.

Как показывают институциональные исследования [6], число сторонников новой идентификации вначале медленно возрастает, затем происходит скачкообразный подъем и постепенное снижение. Этот эмпирический феномен объясняется следующим образом: формирование идентичности рассматривается как легитимное параллельно росту «групповой плотности»

[7, с. 529−538]. Немногочисленность этногрупп создает им проблемы с легитимностью. Когда приверженцев этнопринадлежности немного, сложно объяснить другим этносам, ее «естественность» и «историческую укорененность» в этнокультурный ландшафт.

Трансмиссия этноидентичностей была рестриктивной: перейти из одной этногруппы в другую было сложно не столько юридически, поскольку формальных запретов не было. Трудности носили бюрократический характер: требовалось внести соответствующие изменения в официальные документы. Российские историки [8] описывают исключительные ситуации быстрой смены этноидентичностей. После неофициального объявления руководством о депортации ряда народов в 1944 г., командование некоторых передовых военных подразделений меняло в документах этнопринадлежность своих подчиненных, чтобы вывести их из-под ареста.

Более распространенным способом трансмиссии этноидентичности стали межэтнические браки. Во-первых, при заключении брака супруги могли поменять фамилию – одну из основных аскриптивных этнохарактеристик, идентифицируемую чиновниками. Во-вторых, дети в межэтнических браках могли при получении паспорта выбрать как этнопринадлежность любого из родителей, так и другую этничность.

Этногенез зависел от социальной престижности той или иной системы этноидентификации, советской и русской идентичностей и от количества молодых людей, получающих паспорта. Хотя косвенно трансмиссия этничности происходила путем передачи детям фамилии и отчества главы семейства, родительское идентификационное давление было довольно слабым. Они не тратили много сил, чтобы убедить детей принять собственную этноидентичность, особенно если она была девиантизированной в общественном сознании.

Трансмиссия этноидентичности носила «имперфектный характер» [9, с. 23−49] под давлением эрозии из-за особенностей применяющих ее агентов. Хотя русские родители при рождении записывали ребенка «русским», микроокружение индивида могло поощрять в нем формы поведения, соответствующие другой этничности. Социализация в украиноязычной среде и давление школьных сверстников вполне могли подвигнуть ребенка к осознанному выбору украинской этничности при получении паспорта.

«Советский человек» был для властей идентификационным вариантом, который вызывал меньшее число национальных проблем по сравнению с этнорадикалами. Когда отдельные националистические группы позиционировали себя как противников режима, это позволяло властям подготовиться к вызовам национализма. От территориально разрозненных «советских граждан», которые для системы означали высшую степень лояльности, национальные проблемы не ожидались. Однако в 1980-е гг. советскости не хватило, чтобы сохранить распадающееся пространство.

В системе межэтнических отношений отсутствовала институциональная возможность развития советской самоидентификации без знания русского языка. Но даже хорошего владения русским языком было недостаточно в случае подозрений властей в нелояльности гражданина или восприятия его действий как подрывных по отношению к системе. Советского гражданства можно было лишиться по политическим мотивам, и тогда человека высылали из страны.

Институциональная связь между русской идентичностью и советскостью стала причиной отсутствия интереса к изучению титульных языков как у русских в республиках, так и у титульных этногрупп. Партийная карьера республиканского чиновника зависела от его «советскости» и даже «русскости», то есть от степени владения русским языком, знания партийного наследия, культуры и т.п. Многие родители школьников не видели смысла в изучении титульных языков, а категории приобщения к этнокультуре, обычаям, традициям выглядели несовременными и непрактичными. Даже в 2000-е гг. после десятилетия этнического подъема в республиках титульным языком владели немногие из русского населения [10].

Советскость поддерживалась пропагандой. Идеологизированность советской идентичности означала конформизм к системе, ее символам и институтам. Завязанная на политическую лояльность, советскость не стала институциональной заменой этноидентификаций. Слабый территориальный характер (хотя за рубежом выходцев из СССР идентифицировали с территорией) не позволял ей трансформироваться в национальную идентификацию.

Как территориальная идентичность советскость была привязана к государству, находящемуся почти полностью в пределах империи. Однако наличие некоторого территориального несоответствия между советскими и имперскими границами расшатывало связь советскости с территорией. Слабый территориальный характер советскости не позволил в 1980-е гг. использовать институциональные механизмы идентификационной опоры на историческую территорию, общность судьбы нации, традиции и пр. Исторический компонент и культурная глубина советскости подчеркивались редко, а ее социально-духовная связь с дореволюционной эпохой

исследовалась только философами – евразийцами в 1920-е гг., которые в советском дискурсе девиантизировались как «классово чуждые».

Советскость воспринималась в общественном сознании как разрыв с дореволюционной историей, включая формирование национальной идентификации. Отсутствовали институциональные механизмы встраивания событий дореволюционного периода развития в когнитивную структуру советской идентичности. Большая часть дореволюционных событий и исторических фигур девальвировались сквозь призму классового противостояния. Хотя жесткость по отношению к принятию дореволюционного прошлого, выражению согласия с ним и/или проявления чувства гордости менялись в зависимости от политического момента, доминирующим эмоционально-когнитивным отношением было отрицание.

Результатом стала ламинальность общественного сознания. Дореволюционные и советские исторические образы не пересекались. Они существовали в параллельных плоскостях. Поскольку не было осознания идентификационного и территориального единства дореволюционной России и Советского Союза, политические нападки на советскую власть не рассматривались как ущерб сложившейся общности этносов. Распад Советского Союза ни элитами, ни академическим сообществом, ни населением не воспринимался как «геополитическая катастрофа» и разрушение исторической территории.

Исключением стали национальные радикалы, которые связывали негативность советского и досоветского периода. Как дореволюционная, так и советская Россия обвинялись, например, адыгскими националистами в нарушениях исторических прав адыгов, а грузинские националисты рассматривали взаимодействие России с Грузией как бесконечный процесс «российской колонизации» [11, с. 39−40].

В условиях доминирования диссидентских взглядов в общественном сознании советскость оказалась институционально уязвимой к критике как идентичность идеологических коллаборационистов. Допущенные ошибки в национальной политике создали вокруг власти «зону отчуждения».

Этноидентификационное якорение советскости и русскости стало причиной связи десоветизации с дерусификацией. Этногруппы, для которых советскость перестала служить «охранной грамотой» от дискриминации, стали чувствительными к новым возможностям. Для них отрицание советского прошлого прошло относительно легко.

Как только привлекательность советскости снизилась и для элит, и для большинства населения, как только началась десоветизация в политическом и экономической сферах, активизировались этногенезисные процессы.

Ссылки:

1. Гаджиев А.С. Великий русский язык – средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. Махачкала, 1981.
2. Соколовский С.В. Понятие «этническое меньшинство» и «малочисленный народ» в социальных науках // Подходы к изучению этнической идентичности. М., 1994.
3. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик, 2000.
4. Губогло М.Н. Предпосылки изучения современной этнополитической ситуации в СССР // Национальные процессы в СССР. М., 1991.
5. Такушинов Ш.Н. Причины этнополитических конфликтов в многонациональных регионах // Социальный порядок и толерантность. Сборник тезисов III Всероссийской научной конференции 30−31 мая 2002 г. Краснодар, 2002.
6. Powell G.B. Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence (Cambridge: Harvard University Press). 1982.
7. Baum J.A. C. and Powell W.W. Cultivating an institutional ecology of organizations: Comment on Hannan, Carroll, Dudon, and Torres // American Sociological Review. 60. 1995. P. 529−538.
8. Марченко Г.В. Государственная и национальная политика на Северном Кавказе (20-е – 40-е гг. XX в.). Ростов-на-Дону, 2002.
9. Zucker L.G. Where do institutional patterns come from? Organizations as actors in social systems // Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment / ed. by L. G. Zucker. Cambridge, MA: Ballinger, 1988. P. 23−49.
10. Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А. Кризис национальных языков России. Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста, 2000.
11. Чумбуридзе Д. Национально-освободительная борьба грузинского народа в начале XX века: 1918−1921 годы. Тбилиси, 2003.

References (transliterated):

1. Gadzhiev A.S. Velikiy russkiy yazyk – sredstvo mezhnatsional'nogo obshcheniya i priobshcheniya narodov Dagestana k dostizheniyam nauchno-tekhnicheskoy revolyutsii. Makhachkala, 1981.
2. Sokolovskiy S.V. Ponyatie «etnicheskoe men'shinstvo» i «malochislenniy narod» v sotsial'nykh naukakh // Podkhody k izucheniyu etnicheskoy identichnosti. M., 1994.
3. Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremennost'. Nal'chik, 2000.

4. Guboglo M.N. Predposylki izucheniya sovremennoy etnopoliticheskoy situatsii v SSSR // Natsional'nye protsessy v SSSR. M., 1991.
5. Takushinov SH.N. Prichiny etnopoliticheskikh konfliktov v mnogonatsional'nykh regionakh // Sotsial'niy poryadok i tolerantnost'. Sbornik tezisov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 30−31 maya 2002 g. Krasnodar, 2002.
6. Powell G.B. Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence (Cambridge: Harvard University Press). 1982.
7. Baum J.A. C. and Powell W.W. Cultivating an institutional ecology of organizations: Comment on Hannan, Carroll, Dudon, and Torres // American Sociological Review. 60. 1995. P. 529−538.
8. Marchenko G.V. Gosudarstvennaya i natsional'naya politika na Severnom Kavkaze (20-e – 40-e gg. XX v.). Rostov-na-Donu, 2002.
9. Zucker L.G. Where do institutional patterns come from? Organizations as actors in social systems // Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment / ed. by L. G. Zucker. Cambridge, MA: Ballinger, 1988. P. 23−49.
10. Bgazhnokov B.KH., Shogenov A.A. Krizis natsional'nykh yazykov Rossii. YAzyki narodov Rossii: perspektivy razvitiya. Materialy mezhdunarodnogo seminara. Elista, 2000.
11. Chumburidze D. Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba gruzinskogo naroda v nachale XX veka: 1918−1921 gody. Tbilisi, 2003.